

Валдайские
записки

#18 | Май 2015

От американской гегемонии - до
изменения глобального
климата: будущее государства

Ричард Лахманн

Государство отмирает? Его теснят транснациональные корпорации и международные организации вроде МВФ и ВТО? Оно погружается в анархию под ударами экологических катастроф, развала экономики, перенаселенности или того хуже - вооруженной смуты? Чтобы ответить на эти вопросы, вспомним, как государство реагировало на войны, экономические коллапсы и прочие вызовы в прошлом. Это позволит найти противоядие от угроз, с которыми оно может столкнуться сейчас.

Краткая история власти государства

Государства получают доходы и используют эти средства на то, чтобы вести войны, содержать госаппарат, строить инфраструктуру, поддерживать экономическое развитие и финансировать социальные программы. При этом государства никогда не богатели по раз и навсегда начертанному плану - постепенно и целенаправленно. Напротив, их возможности резко возрастали вследствие революций и других политических потрясений, войн и экономических кризисов.

На заре современной эпохи правители формирующихся государств были вынуждены вступать в переговоры и даже бороться с элитами (аристократией, духовенством, городским купечеством) за распределение доходов и влияние над обществом. Медленно и с переменным успехом они расширяли свой контроль над материальными и человеческими ресурсами.

Некоторым удавалось многократно увеличить свой потенциал в результате войн. При этом бывшие подданные имели шанс стать еще более могущественными правителями, если им удавалось свергнуть своих хозяев в ходе революций. Таким образом, рост могущества государства обеспечивался способностью и желанием старых и новых властей действовать в обход элит и договариваться непосредственно с обществом. И правители, и революционеры действуют рационально и эгоистично, сосредоточивая и удерживая власть, и при этом всегда опасаются поражения. Они делятся властью со своими соперниками и обществом только тогда, когда считают это необходимым для сохранения своих позиций. Так происходит в пору войн и революций - событий, представляющих наибольшую опасность.

Правители делились властью с аристократами, чтобы привлечь их и их вооруженных сторонников к борьбе против захватчиков, чтобы приобрести новые владения, а также ответить на вызовы враждебных элит или выступления снизу. Они предоставляли привилегии купцам и прочим обладателям значительных денежных средств, чтобы получить деньги для вербовки наемников или оснащения армии и флота. Те из правителей, кто не хотел или не мог идти на подобные сделки, утрачивали земли и собственность под напором более агрессивных и удачливых соперников.

Революции современной эпохи подорвали налаженную систему связей между правителями и элитами. Революционные правительства пренебрегали деньгами купцов и вооруженными дружинами аристократов и обращались непосредственно к поддерживающим их массам. Они первыми применили призыв на военную службу и создали невиданные по размеру и преданности армии. Армейский призыв перевернул соотношение между финансовыми возможностями и исходом военных действий. Государства впервые оказались в состоянии рекрутировать солдат без оглядки на наличие финансовых средств и уже не просили местные элиты предоставить их вооруженных вассалов для участия в войне. Впервые столь радикальные меры, подорвавшие прежнюю систему привилегий, были введены в переживших революции государствах, прежде всего в США и Франции, где старым элитам был нанесен смертельный удар. Под угрозой внутренней контрреволюции и нападения внешнего врага революционные вожди этих стран сочли военный призыв наиболее действенным средством для обеспечения лояльности общества, которое получило возможность принять участие в спасении государства и стать гражданами, наделенными наряду с военными обязанностями еще и политическими правами.

Подданные становились гражданами и обозначали свою принадлежность к числу полноправных членов национальных государств, прежде всего, посредством военной службы. Там, где государства могли ввести призыв или убедить граждан поступать на службу добровольно, взаимоотношения человека с ружьем и государства подверглись коренной трансформации. Превращение подданных в граждан позволило государству создать небывалые по размеру, стойкости и сознательности армии и тем самым подготовило почву для кровопролитных войн XIX и XX столетий, начиная с наполеоновской кампании и кончая гражданской войной в США и мировыми боями XX века.

Государства покупали преданность призывников, наделяя их правом голоса, прочими гражданскими правами и социальными льготами. В военное время государственные доходы резко возрастали, так как чиновничество находило все новые и новые способы облагать налогом кошельки граждан, торговлю и личные состояния. И хотя в конце войны размер налогообложения всегда сокращался, он почти никогда не опускался до довоенного уровня. Дополнительные доходы бюджета частично использовались для выплаты военных долгов и льгот: ветераны и их семьи требовали компенсации во время и после войны. Ветеранам, а в дальнейшем и всем гражданам, были предоставлены пенсии по старости, медицинская страховка, жилищные субсидии, доступ к вузовскому образованию и государственной службе.

Из-за значительного объема расходов власти были вынуждены удерживать высокий уровень налогообложения, хотя одновременно они получали дополнительные возможности по контролю за обществом и воздействию на его жизнь.

Государствам пришлось предоставить ветеранам и всем тем, кто работал для нужд фронта, политические права. После обеих мировых войн по всему миру прокатились волны демократизации. Речь шла в первую очередь о наделении гражданскими свободами и правом голоса угнетенных классов, этнических и расовых меньшинств, женщин и молодежи. Расширились права и тех, кто уже был полноправным гражданином. Мировые войны активизировали женские и рабочие движения, результатом которых было обретение права голоса, а также право на создание профсоюзов в обмен на самоотверженную работу на

военных заводах и готовность воздерживаться от забастовок ради обеспечения необходимых государству поставок оружия. Такие прагматичные сделки подкреплялись требованиями женщин о предоставлении им гражданских прав как матерям и женам военнослужащих. В большинстве государств социальные льготы – пенсии по старости, медицинское страхование и прочее – предоставлялись в первую очередь госслужащим, имеющим особые отношения с государством и возможность оказывать на него влияние. Во время войн и после них льготы были распространены сначала на ветеранов, а затем и на другие категории населения.

В недемократических государствах призывники также могли требовать для себя социальных льгот, и власти брали на себя обязательство удовлетворять их законные запросы. В Советском Союзе в 1960-х годах были значительно расширены льготы для ветеранов ВОВ.

Такой общественный договор приходилось соблюдать даже самым реакционным и репрессивным государствам. Нацистский режим предоставлял столь же обширные социальные льготы и пособия, что и правительства социалистических и либеральных стран, с которыми он находился в состоянии войны. Но предназначались они только тем, кто был признан расово чистым гражданином Германии, а также их семьям. Из их среды и рекрутировались государственные служащие и личный состав вооруженных сил.

Социальные выплаты ветеранам и их семьям требуют больших затрат. Там, где на их основе разрабатываются программы социальной помощи для населения в целом, они преобразуют роль государства в экономике. До первой мировой войны общий доход всех европейских государств не превышал 10% ВВП, хотя в военное время и случались отдельные колебания.

После первой мировой войны средний доход составлял 15–20%, а после второй - превысил 25%. В тридцати странах ОЭСР этот показатель в течение последних десятилетий постепенно возрастал: с 25,6% в 1965 г. до 29,7% в 1975 г., с 32,9% в 1985 г. до 35,1% в 1995 г. и стабилизировался на этом уровне на рубеже XXI века.

Вывод, который мы можем сделать из приведенного краткого обзора истории войн, воинской повинности, социальных выплат и демократизации состоит в том, что чрезвычайные ситуации и катастрофы вроде революций и войн расширяют полномочия и возможности государств. Экономические кризисы и финансовые обвалы также приводят к увеличению возможностей государства. Ведь правительства, во всяком случае, с начала эры меркантилизма на Западе и за многие века до нее в Азии, признавались элитами и все более широкими слоями населения ответственными за обеспечение адекватных продовольственных поставок и экономической стабильности. Поэтому во время экономических кризисов государства могли требовать для себя больших полномочий в целях восстановления экономического роста. Такое вмешательство в экономику помогало правителям извлекать доход, обеспечивать предоставление услуг и принуждать население к определенному стилю поведения. Именно здесь следует искать корни современных представлений о том, что ежегодный рост экономики может и должен быть обеспечен государством.

Государственный потенциал возрастает главным образом потому, что в результате войн, революций и экономических кризисов оно обретает поддержку в лице граждан, не относящихся к элите. Граждане, в свою очередь, требуют от признанного ими своим государством предоставления соответствующих прав и услуг и обеспечивают эти права через уплату налогов, участие в выборах и другие формы взаимодействия.

Возросшее могущество государства распространяется, по большей части, не только на то, чтобы повелевать подданными. Задача государства состоит в том, чтобы мобилизовать ресурсы на осуществление проектов, которые расширяют права граждан и укрепляют их уверенность в том, что правительство способно защитить их от внешних угроз, обеспечить экономический рост и технический прогресс и повысить социальные выплаты. Эти цели достигаются путем заключения ряда явных и неявных сделок по предоставлению населению материальных благ, а также политических и гражданских полномочий на участие в управлении государством. Укрепление государственной власти в современном мире в равной мере подпитывается как предоставлением гражданских прав, так и присвоением ресурсов гражданского общества.

Современные кризисы и будущее государств

Современный мир теряет устойчивость под воздействием трех планетарных явлений: конца гегемонии США, глобального изменения климата и краха государственности в некоторых частях света. Являются ли эти кризисы чем-то принципиально иным, нежели войны и спады в экономике, которые только укрепляли государства в прошлом? Давайте посмотрим, какое влияние каждый из этих трех факторов оказывает на власть государства.

i. Закат США

Закат Америки представляется неизбежным. Сковавший США политический паралич ограничивает способность государства реагировать на геополитические вызовы и вкладывать столько средств в инфраструктуру, научные исследования и человеческий капитал, сколько необходимо для того, чтобы США продолжали играть главную роль в международном экономическом соревновании. Другие государства по мере ослабления США будут предпринимать попытки захватить лидерство или, во всяком случае, обрести независимость от диктата Америки и контролируемых ею международных организаций. Такие шаги, а также неизбежные, хотя и безуспешные, усилия США по противодействию этим вызовам, послужат укреплению этих государств.

Стоит вспомнить и о том, что неолиберализм, который многие воспринимают как силу, ослабляющую государство, насаждался по указке США подконтрольными международными организациями. По мере исчезновения гегемонии, неолиберальным предписаниям Америки будут бросать вызов и более слабые государства. Признаки этого уже видны в следующем:

1. страны возражают против выдачи патентов на производство жизненно важных препаратов против СПИДа и других болезней;
2. удовлетворяются протесты против приватизации в Латинской Америке, Африке и других местах;
3. успешно действуют региональные объединения вроде МЕРКАСУР и Шанхайской организации сотрудничества, обеспечивающие перекрестное субсидирование и региональные финансовые связи независимо от глобальной неолиберальной архитектуры, созданной США;
4. правительства предпринимают шаги для развития собственной промышленности (например, аэрокосмической или «зелёной» электроэнергетики) в секторах, вышедших из-под контроля США и ЕС, где под влиянием неолиберальных теорий происходят бюджетные кризисы, истощающие государственные инвестиции.

Правительства при поддержке широкой общественности пытаются противостоять требованиям о проведении неолиберального курса со стороны США и их союзников и защитить собственные национальные интересы. Аналогичным образом государства могут укрепить свои позиции и легитимность, выступая против американского засилья в военной области.

Процесс упадка США будет медленным и неравномерным. В наибольшей степени это коснется экономики. И дело здесь не только в том, что основные производственные мощности переведены в страны с низкой стоимостью рабочей силы. На территории США уже давно отсутствует критическая масса промышленности, на основе которой можно было бы восстановить способность страны к полномасштабному собственному производству. Но последнее возможно только в условиях финансируемых и руководимых государством программ экономической мобилизации, вроде тех, что проводились во времена гражданской войны, мировых войн и холодной войны. США по-прежнему активно работают в сфере научно-технической и инновационной деятельности, однако в значимых областях на первое место уже вышла Европа, а большинство студентов, получающих последипломное образование по разряду точных наук, составляют иностранцы. Американскому научному лидерству настанет конец в тот самый день, когда азиатские отличники решат обучаться дома, либо вернуться домой, получив степень кандидата наук.

США по-прежнему являются финансовым центром мира, а американское государство и американские компании извлекают большие выгоды из роли доллара как мировой резервной валюты. Надежды на то, что евро сможет конкурировать с долларом, не оправдались. Огромные валютные резервы Китая и его попытки создать в противовес Всемирному банку Азиатский банк инфраструктурных инвестиций свидетельствуют о том, что возможности произвольно манипулировать обменным курсом американской валюты будут все больше ограничиваться даже при условии сохранения долларом своего нынешнего положения. А выгоды от долларовой эмиссии существенно сократятся, что еще сильнее подорвет экономическое могущество США.

США остаются мировым гегемоном в военной сфере, обладающим небывалым в истории технологическим и материальным превосходством над потенциальным противником. Ни одно другое государство даже и не пытается разрабатывать военную технику, способную конкурировать с новейшими американскими вооружениями. (Те немногие страны, что производят современное оружие, в частности Франция, Германия и Израиль, отталкиваются от американских прототипов, а производство этих вооружений и торговля ими осуществляются только с согласия США). Однако передовая технология не обеспечила Америке победы ни в одной из недавних войн. Все больше стран – прежде всего, Россия и Иран – способны дать достойный отпор США, по крайней мере, в своем «ближнем зарубежье».

Последствия сокращения военного влияния США для регионов мира будут разными. В некоторых из них навязывать свою волю и поддерживать стабильность смогут сильные державы второго ряда. В других, например в Латинской Америке, геополитический контроль останется за США, которые не допустят, чтобы там, даже несмотря на закат американского экономического и идеологического могущества, другие страны стали бы играть роль первой скрипки в военных делах. Однако в регионах, где наличествуют слабые или распадающиеся государства, неспособность или (как следствие разорительных и безуспешных войн в Афганистане и Ираке) нежелание США вмешаться в конфликт приведут к анархии. Именно это, по всей видимости, повсеместно происходит сейчас в Африке и может произойти на большей части Ближнего Востока - если Ирану не удастся стать ведущей региональной державой (возможно, в результате ядерной сделки с США).

Пока нет признаков того, что Китай способен бросить США вызов на международной арене или предпринимает для этого какие-то шаги. По мере угасания мощи США мир будет развиваться все более неравномерно. В нескольких небольших по размеру регионах будут господствовать державы второго ряда. Могут начаться войны между национальными государствами, политику которых США больше не смогут контролировать и сдерживать. В других частях мира ожидается распад государств. Потеря влияния США может способствовать разрастанию конфликтов, но, за исключением регионов, характеризующихся ослаблением государственной организации: в эти конфликты будут вовлечены более сильные государства.

ii. Глобальное изменение климата

Потепление климата может привести к тому, что значительные пространства планеты станут непригодными для обитания. Прибрежные районы будут затоплены, другие территории превратятся в пустыни. Пока не ясно, сократится ли во всем мире производство продуктов питания (главными житницами могут стать север Канады и Сибирь), но не подлежит сомнению то, что в некоторых регионах, которые в настоящее время способны сами обеспечивать себя продовольствием, сельхозпроизводство подвергнется значительному сокращению, что в отсутствие внешней помощи вызовет голод. Еще сильнее будет ощущаться нехватка воды, что, в свою очередь, приведет к дальнейшему сокращению производства продовольствия. Глобальное потепление вызывает таяние и исчезновение ледников в регионе Анд, тогда как ледники являются единственным источником воды для таких стран, как Боливия, Перу и Эквадор. Одновременно в неограниченных масштабах выкачиваются запасы подземных вод.

Вызванные глобальным потеплением экологические изменения приведут к существенному росту беженцев. Это станет серьезной проблемой. И по мере увеличения их числа будет повышаться градус антииммигрантских настроений в принимающих странах. Партии, выступающие против иммиграции, пользуются поддержкой по всей Европе. Неприятие иммиграции ощущается и в Республиканской партии США. В ходе своей президентской кампании 2010 года в Кот-д'Ивуаре об этом неоднократно говорил Лоран Гбагбо.

Государства, пытающиеся ограничить иммиграцию, будут пользоваться поддержкой своих граждан. Политики в демократических и в недемократических странах в погоне за голосами избирателей начнут привлекать внимание к этой проблеме и давать обещания закрыть доступ для беженцев. В свою очередь, такие кампании побудят граждан еще больше отождествлять себя со своим государством и укрепят их веру в то, что источником прав является гражданство национальных государств, способных оберегать географические и правовые границы, отделяющие их от иностранцев. Как и в случае войны, попытки оградить свои страны от наплыва беженцев и других последствий изменения климата вызовут новую волну требований о расширении прав граждан. Мы уже видим, как по сути реакционные антииммигрантские партии требуют предоставления гражданам дополнительной социальной защиты и клеймят позором глобальный капитализм.

Националистический раж усилится и в отношении конкурентной борьбы за природные ресурсы. Мы слышим много разговоров о том, что США и другие богатые страны стремятся обеспечить поставки энергоносителей с Ближнего Востока, или о том, что Китай пытается замкнуть на себя производство продовольствия и добычу полезных ископаемых в Латинской Америке и Африке. Однако самая жесткая борьба развернется, скорее всего, за водные ресурсы поблизости от дома. Следствием глобального потепления станет засуха. Рост народонаселения и желание растущего среднего класса потреблять мясо животных, для разведения которых требуется гораздо больше воды, чем для выращивания зерновых и овощей, уже заставляет фермеров опустошать подземные водоносные горизонты и строить дамбы. Много воды требует и добыча сланцевой нефти методом гидроразрыва пласта.

Сильные государства имеют опыт борьбы за воду со слабыми соседними странами. США неоднократно нарушали свои договоренности с Мексикой о совместном использовании ресурсов реки Колорадо, что привело к опустыниванию части территорий на севере Мексики. Китай осуществляет планы по строительству плотин на реках, текущих в страны Юго-Восточной Азии, игнорируя их просьбы и предупреждения о том, что отвод воды приведет к экологической катастрофе. Израиль выкачивает воду из подземных горизонтов на территории Западного берега. Все эти меры широко используются.

Борьба за воду и прочие ресурсы демонстрирует истинную природу отношений в современном мире: некоторые страны обладают необходимым потенциалом для защиты своих интересов, у других же таких возможностей остается все меньше. Вся планета за исключением Антарктиды уже поделена между национальными государствами, имеющими четкие, признанные международным сообществом границы. Однако все больше таких государств утрачивают способность защищать интересы своих граждан. Слабые страны не воспитывают национальное самосознание и не проводят политику, направленную на укрепление патриотизма и гражданственности. Признаем очевидное: слабые государства не в состоянии мобилизовать

население на совместные действия, будь то военная оборона или защита внутренних ресурсов от захвата иностранными субъектами.

Трудности, связанные с предотвращением глобального потепления, заставляют задуматься о том, можно ли хотя бы смягчить его последствия. Произойдет фрагментация мира: в одних частях планеты сильные игроки смогут принять необходимые меры, тогда как в других слабые или прекратившие свое существование государства будут неспособны защитить себя.

Богатые регионы с сильными государствами будут претворять в жизнь обширные и дорогостоящие проекты, направленные на смягчение негативных последствий в духе экологического кейнсианства. В рамках военного кейнсианства такие государственные капиталовложения стимулируют развитие экономики и создают структуры поддержки в лице частных фирм и привилегированных работников, заинтересованных в продолжительном существовании таких госпроектов и в отстаивании обосновывающей их идеологии. Подобно тому, как подрядчики министерства обороны и работники оборонных предприятий были главной опорой либерального американского государства (и его советского аналога – государственного социализма), так и приверженность сильному государству будет возрождена теми, кто займётся осуществлением таких проектов и будет получать от них выгоду.

Регионы сильных и слабых государств будут взаимодействовать в основном по линии недопущения и присвоения. То есть «сильные» будут ставить препоны беженцам и захватывать недостающие ресурсы для своих граждан. «Сильные» войдут в некий круг добродетельности: их способность хотя бы частично защитить граждан от разрушительного воздействия глобального потепления послужит укреплению национального самосознания людей. Я говорю о добродетели не в нравственном, а в организационном смысле: сильные институты воспитывают приверженных своим принципам индивидуумов, которые помогают им распоряжаться ресурсами и лояльностью при выполнении поставленных задач.

Остальной мир, напротив, будет все в большей степени утрачивать государственность. Люди, оставленные на произвол судьбы, не будут чувствовать себя частью государства и сохранять преданность своим правительствам. Осознание своей идентичности сможет защитить их от иноземного вмешательства, но не от последствий экологической катастрофы.

iii. Распад государств

На пространствах, занятых слабыми государствами или структурами с отсутствующей государственностью, – в силу ли давления окружающей среды, перенаселения, вторжения США, других великих держав, либо по иной причине – появляются военизированные формирования и местные правители мафиозного типа, а здоровье населения и продолжительность жизни быстро идут на убыль. И дело тут не в том, что вооруженные боевики и мафия подрывают устои государства. Скорее, государства разрушаются силами, находящимися вне их границ. Это, в свою очередь, создает простор для деятельности опасных негосударственных субъектов, нацеленных на ограбление местного населения. Как не

вспомнить средневековую Европу, где поместное дворянство с помощью вооруженных вассалов вымогало ресурсы у крестьян, а городские партии создавали собственные карманные армии, контролировавшие кварталы городов.

Мы являемся свидетелями раздвоения мира: на мир сильных и слабых государств. Большинство из них смогут использовать упадок американской гегемонии, нехватку ресурсов и наплыв беженцев для укрепления собственной власти и предоставления защиты гражданам, что укрепит националистические настроения и легитимность чиновников, обеспечит поддержку их политическому курсу. В остальной части мира государства будут исчезать. Их место займут местные вооруженные субъекты, которые способны обогащаться, но неспособны удовлетворить коллективные потребности подвластного населения.

Государства возвращаются к своей исходной роли основных моделей социального мира. Вопрос на будущее состоит не в том, находятся ли государства в упадке и будут ли они заменены или отодвинуты на задний план иными социальными структурами. Скорее, проблема заключается в том, смогут ли государства в регионах, подвергшихся мощному демографическому и экологическому давлению или иностранному вторжению, в принципе сохранить свою государственность. В одних регионах их место займет анархия, и к власти придут местные преступные группировки. В остальном мире власть перейдет от международных организаций, США и транснациональных компаний назад к государствам, способным оградить собственных граждан от внешней миграции и иностранного политического и военного влияния, смягчить последствия глобальных финансовых неурядиц и изменения климата. Сильные государства будут выстраивать защиту против надвигающихся внешних угроз при поддержке населения.

Литература:

Götz Aly. 2005. *Hitler's Beneficiaries: Plunder, Racial War, and the Nazi Welfare State*. New York: Metropolitan.

Flora, Peter et al. 1983. *State, Economy, and Society in Western Europe, 1815-1975*. Frankfurt: Campus Verlag.

Kestnbaum, Meyer. 2002. "Citizen-Soldiers, National Service and the Mass Army: The Birth of Conscription in Revolutionary Europe and North America," Mjoset and Van Holde eds. *The Comparative Study of Conscription in the Armed Forces*. Amsterdam: JAI, 2002.

Lachmann, Richard. 2013. "Mercenary, Citizen, Victim: The Rise and Fall of Conscription in the West," *Nationalism and War*, edited by John A. Hall and Sinisa Malasevic. Cambridge: Cambridge University Press.

Markoff, John. 1996. *Waves of Democracy*. Thousand Oaks, Ca: Sage.

Hung, Ho-fung. 2014. "Cold War and China in the (Un) Making of the Global Dollar Standard," in *Political Power and Social Theory*.

Lachmann, Richard. 2014. "From Consensus to Paralysis in the United States, 1960-2010," in Political Power and Social Theory.

OECD (Organization of Economic Cooperation and Development). 2006. Revenue Statistics, 1965-2005. Paris: OECD.

Oushakine, Serguei. 2009. The Patriotism of Despair: Nation, War and Loss in Russia. Itaca: Cornell University Press.

Tilly, Charles. 1990. Coercion, Capital, and European States. Oxford: Blackwell.

Об авторе:

Ричард Лахманн, профессор кафедры социологии Университета в Олбани.